

- Большое спасибо за вашу помощь, заместитель начальника Мондэйл...

- Подождите, – Орвицка с усталым видом прервал его. – Начальник Надевей, дело ещё не раскрыто. Этот директор, хоть и серьёзно нарушил свои обязанности, и его действия равносильны убийству, он тоже преступник, но это не значит, что он и есть отравитель.

Он не травил, он "всего лишь" скрывал правду об отравлении детей, чтобы сохранить свой пост.

- А? О, да, вы правы, я слишком разволновался... Пожалуйста, продолжайте.

Орвицка перевёл взгляд на врачей и медсестёр:

- Какую именно еду вы выбросили первой?

Он на мгновение заподозрил, что начальник Надевей притворяется дураком. В конце концов, свалить всю вину на директора было бы достаточно, не нужно было вытаскивать на свет ещё больше грязи. Но Надевей так быстро исправился, что, скорее всего, Орвицка ошибался.

- Маленькие кексы. - Фруктовые пироги. - Пудинг.

- Всё то, что ученики ели больше всего, – кивнул Орвицка. – Похоже, вы изначально тоже подозревали, что еда отравлена.

Последняя фраза была сказана им вскользь. Сказав её, он начал обдумывать дело, но медики смущённо переглянулись.

У Орвицки мелькнула мысль о "поисках сокровищ" в канализации, но он тут же её отбросил. Даже если он и найдёт остатки еды, он не сможет доказать, что они именно с того дня. Даже если мыши, съев их, подтвердят наличие яда, это всё равно не докажет, что кто-то отравил еду, а не она была загрязнена в канализации.

- Вы знаете вкусы своих юных хозяев? Что они обычно едят больше всего?

- Пудинг! - Пудинг! - Здешний карамельный крем-пудинг очень вкусный.

Девять слуг ответили почти в один голос. Понятно, в Нортонской империи все были без ума от сладкого.

- Вы были там, вы видели, как у юного Доминика начались судороги после отравления. Значит, вы знаете, что он ел, верно?

- Да, он ел пудинг... Этот ребёнок принёс целый поднос и съедал один за другим, – тот самый плакавший врач опустил голову, не смея посмотреть Орвицке в глаза.

- Кто-нибудь из вас пробовал эти пудинги или оставил один-два для анализа?

Карамельный пудинг действительно был идеальной едой для отравления. Сама карамель имела лёгкую горчинку, а здешние люди привыкли к приторно-сладкой еде. Даже если бы дети почувствовали, что пудинг сегодня горчит, они бы подумали, что карамель пережарили, а сильная сладость всё равно заставила бы их продолжать есть.

- Нет, мы... не пробовали, – врач опустил голову ещё ниже.

- Тогда, пожалуйста, позовите сюда поваров и разнорабочих из столовой. Начальник Надевей.

- Конечно, заместитель начальника Мондэйл.

- Кроме директора, этих дам и господ можно отпустить отдохнуть. Большое спасибо за ваше сотрудничество. А этих девятерых господ прошу ещё немного задержаться. Вы голодны? Хотите что-нибудь поесть?

Слуги покачали головами.

Далиан сказал Надевею:

- Когда дело закончится, с этими господами всё равно обойдутся несправедливо, верно?

- На этот счёт можете не беспокоиться, я обеспечу им защиту.

- ...Рыбий Хвост с радостью примет их, – Орвицка особенно пристально посмотрел на тех туземцев с Южного континента и метисов.

- Я понял ваш намёк, – кивнул Надевей. Он распорядился привести людей по просьбе Орвицки, а также велел принести слугам еды. Сделав всё это, он вернулся и задал вопрос: – Я хотел бы спросить, вы всё ещё считаете, что яд был в еде?

Орвицка уже утвердил свой авторитет, поэтому, хотя все и говорили, что еда, скорее всего, не отравлена, Надевей не стал возражать, а дождался момента, чтобы спросить наедине.

- Да, скорее всего, именно в пудинге.

- Тогда... преступник отравил еду в нескольких местах?

- Возможно, – уклончиво ответил Орвицка. – Кстати, а что с теми медсёстрами и врачами, которые были снаружи?

- Скоро должны прийти, пожалуйста, подождите.

Но первыми, конечно же, пришли те, кто был заперт в школе – сотрудники столовой.

Пришли пятеро поваров, шестеро кухонных разнорабочих и двенадцать слуг.

Если говорить о степени измождённости, то их состояние было гораздо хуже, чем у медиков. Они были запуганы, и как только Надевей на них посмотрел, один из поваров, дрожа, опустился на колени:

- Смилуйтесь, господа полицейские, ради Света! Я честный повар, я только и делаю, что готовлю, я бы никогда никого не отравил! У меня большая семья, которую нужно кормить, умоляю вас, смилуйтесь!

Следуя его примеру, остальные тоже опустились на колени и зарыдали.

Надевей подумал, что, возможно, стоит их успокоить, но, повернувшись, увидел, что Орвицка стоит с непроницаемым лицом и холодно смотрит на них.

Тогда Надевей решил последовать примеру Орвицки.

Сначала они действительно боялись, и их плач был искренним. Потом это стало отчасти игрой, они надеялись, что их жалкий вид вызовет сочувствие у полиции, или просто боялись, что их

товарищи окажутся более жалкими и они станут козлами отпущения.

Но когда они увидели, что полицейские никак не реагируют, их наигранный страх и плач стали бессмысленными.

Плач становился всё тише и тише, и в конце концов все неловко встали, не зная, что делать.

- Успокоились? – спросил Орвицка, его лицо оставалось холодным.

- Успокоились. - Угу...

Всё-таки это были школьные работники, и они вели себя достаточно вежливо. Большинство из них кивали в ответ, а несколько красивых служанок даже заискивающе улыбнулись Орвицке.

- Вы все знаете, что в школе произошло массовое отравление учеников, верно?

- Я к этому не имею никакого отношения! - Я ничего не делал! - Я всего лишь подметаю, я никогда не прикасаюсь к еде!

Только что успокоившиеся люди снова зашумели.

Далиан принёс сбоку два стула, и они сели. Полицейские из Хикклина, проявив смекалку, тут же принесли стул и Надевею.

Сидящие, словно зрители в театре, три офицера и остальные стоящие молчаливые полицейские смотрели на них. На этот раз шум прекратился быстрее, чем предыдущий плач и мольбы.

Когда они затихли, Орвицка продолжил:

- Без сомнения, вы все будете замешаны. И неважно, виновны вы или нет.

Снова шум самооправданий, но на этот раз кричало меньше половины, так что успокоились они быстрее.

- Вы все будете замешаны и даже наказаны. Разница лишь в том, пойдёте ли вы на виселицу, на каторгу или просто потеряете работу и будете искать новую, – Орвицка был уверен, что эти люди, проработавшие так долго в школе с такой гнилой атмосферой, да ещё и на таком прибыльном месте, как кухня, не были полными дураками.

- Нет! - Мы невиновны!

На этот раз кричали только двое – повар и хорошо одетый разнорабочий. Они, вероятно, не ожидали, что остальные промолчат, и их голоса прозвучали особенно резко.

- Выведите их, – указал на них Орвицка. – У меня к ним отдельный вопрос.

Надевею даже не пришлось отдавать приказ, полицейские из Хикклина уже схватили этих двоих и вытащили из толпы.

- Вы что-то знаете? – спросил их Орвицка.

- Я действительно ничего не знаю, господин офицер. Я целый день с утра до вечера занят на кухне, даже головы поднять некогда, как я могу знать, что происходит в столовой?

- Я каждый день только и делаю, что вожу продукты и выношу мусор. Я и не вижу тех знатных господ. Закончив работу, я валяюсь спать от усталости. В тот день я узнал о случившемся только поздно вечером от других!

Орвицка кивнул. Двое с радостью подумали, что им повезло, но Орвицка указал на соседний малый актовый зал:

- Эти двое лгут, дают ложные показания. Прикуйте их к директору. Кстати, дверь можно не закрывать.

Слова Орвицки вызвали недоумение у работников столовой. Почему уважаемого директора приковали к чему-то?

Конечно, ответ не заставил себя ждать. Они увидели избитого до неузнаваемости, закованного в наручники, как преступника, уважаемого директора.

Тот повар даже вскрикнул от ужаса. Его тут же повалили на пол и заковали в наручники. Поскольку его наручники продели через наручники директора, они оказались скованы вместе. Затем к ним присоединился третий, и они, спина к спине, связанные переплетёнными наручниками, с трудом могли двигаться.

Двое, которые хотели было закричать, быстро заткнули рты кляпами.

Дверь осталась открытой. Глядя на своих товарищей и на ещё более жалкого, чем они, директора, все остальные выглядели ещё более испуганными и серьёзными.

- Кто в тот день готовил пудинг? – одного несчастного повара тут же вытолкнули вперёд.

Это был кондитер.

- Кто выносил пудинг? – на этот раз дело пошло медленнее. Разнорабочие и слуги устроили небольшую потасовку, в итоге вытолкали двоих разнорабочих и двоих слуг.

Разнорабочие выносили готовую еду к окну раздачи, а слуги оттуда ставили её на столы самообслуживания.

- Уже установлено, что яд был подмешан в пудинг...

- Бум! – повар от страха закатил глаза и рухнул на пол.

Двое разнорабочих быстро подняли его, а одна из служанок, проявив смекалку, двумя пощёчинами привела его в чувство.

Помня опыт предыдущих двоих, они теперь не смели просить о пощаде, а лишь жалобно смотрели на Орвицку. Повар уже всхлипывал.

- А теперь скажите мне, вы видели, чтобы кто-нибудь ел пудинг или пробовал его ингредиенты? Им потом не стало плохо? Вы помните, кто первым взял пудинг?

- Я! Я... – снова та самая сообразительная служанка. Она, очевидно, была очень умна, но, помня о судьбе тех двух болтунов, не была уверена, можно ли ей сейчас говорить. Она осторожно посмотрела на Орвицку. Увидев его кивок, она тут же заговорила: – Я обвиняю этого типа, он каждый раз ворует карамельный сироп с тарелок!

Она указала на одного из разнорабочих.

- Нет, я не воровал! – тут же запротестовал тот, но все остальные закричали.

Один голос не мог перекрыть столько, и он быстро замолчал, испуганно глядя на полицейских и неконтролируемо дрожа.

- Не бойтесь так. Скажите мне, после того как вы съели сироп, вам стало плохо? – но Орвицка не приказал и его заковать, а мягко спросил.

- Нет, не-не стало.

- Точно не стало? – снова спросил Орвицка. На лице того промелькнуло сомнение. – Не смотрите на меня. Единственное, что я от вас требую, – это правда. Независимо от того, ответите вы "да" или "нет", вы не сможете мне угодить.

- Правда, не стало, господин офицер. Я... я просто съел немного сиропа. Я сам его ел, конечно, я бы не стал травить.

А та самая сообразительная служанка помрачнела. Она поняла, что, обвинив этого разнорабочего в воровстве, она не только не сняла с себя подозрение, а наоборот, её действия доказали, что до того, как пудинг покинул окно раздачи, он не был отравлен.

Теперь дрожали уже две служанки.

- Все слуги, пожалуйста, выйдите вперёд, – сказал Орвицка.

- Бум! – ещё одна служанка упала в обморок.

Когда слуги выстроились перед Орвицкой, он спросил:

- Вы все знаете юного господина Доминика?

- Это хороший ребёнок. – Очень джентльменский юный господин. – Я очень люблю юного господина Доминика, как я мог его обидеть? – Мне больше всего нравится обслуживать юного господина Доминика.

Восторженные льстецы, поняв, что Орвицка снова замолчал, поспешно закрыли рты.

- Меня не интересуют личные качества юного господина Доминика. Я знаю только, что он и двое других учеников – жертвы в этом деле. Меня также не интересуют ваши личные отношения с ним, если только они не связаны с этим убийством. Так что, ваши отношения с ним связаны с отравлением? Если да, то продолжайте.

Все покачали головами.

- Вы все были в столовой. Кто-нибудь видел, как юный господин Доминик брал пудинг?

- Ш-ш-ш! – трое слуг тут же подняли руки, двое, поколебавшись, тоже.

- Уверены?

- Да, господин, юный господин Доминик один унёс целый поднос, – сказал один из слуг, показывая руками. – Не маленький отдельный поднос, а вот такой большой квадратный, на нём

было двенадцать пудингов. Это была треть всех пудингов на столе самообслуживания в тот момент. Нам пришлось тут же сообщить на кухню, чтобы принесли ещё.

Эти слуги не только бездумно носили еду, но и следили за тем, чтобы её вовремя пополняли.

- Да. - Юный господин Доминик ещё и толкнул меня, я видел, как он нёс еду.

- А до него кто-нибудь брал пудинг?

- Нет, - ответил тот же слуга. Он, очевидно, отвечал за ту зону. - Я хорошо видел, после того как юный господин Доминик унёс пудинг, осталось два целых подноса.

- Тогда какая еда лежала рядом с пудингом?

- Это был стол со сладостями: кексы, фруктовые пироги, сливочные тарталетки... всё там.

- А! - Надевей не удержался и вскрикнул, напугав слуг. Но он не обратил на них внимания, а закричал на Орвицку: - Они знают! Они наверняка ещё что-то знают! Эти скоты!

Всё это были те самые сладости, которые, по словам врачей и медсестёр, они выбросили первыми.

- Госпо-господин... - та самая сообразительная служанка снова подняла руку.

- Говори.

- Я помню, в тот день во время обеда один из учеников сказал, что фруктовый пирог сегодня горчит, и сливочный тоже... они подумали, что он подгорел. Я извинился перед ними и сообщил на кухню, чтобы следили за огнём.

Тот кондитер тут же кивнул:

- Да! В тот день кто-то так сказал, я ещё очень разозлился. Мои десерты в тот день были испечены идеально, ничего не подгорело.

- Да, да! Кажется, было такое, - подхватили другие повара. Некоторые из них даже помнили, как тот кондитер бросил скалку на доску.

- А до того, как юный Доминик взял пудинг, кто-нибудь долго стоял у стола со сладостями?

- ... - только что активно говорившие тут же замолчали.

Орвицка нахмурился. Надевей встал:

- Яд был в пудинге. Что бы вы ни говорили, пока преступник не пойман, вы - главные подозреваемые, говорите быстрее!

Но никто по-прежнему не говорил.

Очевидно, это был один из учеников. И из-за статуса этих учеников никто не решался его назвать, иначе, избежав этого отравления, они бы вскоре сами погибли непонятной смертью.

Орвицка тоже встал и остановил Надевея, который хотел было что-то ещё сказать.

- Я пойду в ту комнату. А потом приводите этих господ по одному.

Малый актовый зал был занят, и Орвицка вошёл в один из кабинетов. Далиан пошёл с ним, а Анка остался у двери. Первым пригласили ту самую сообразительную служанку. Через некоторое время открылась другая дверь – это были два смежных кабинета, и Далиан, взяв сообразительную служанку, вышел через другую дверь.

Люди могли видеть только их затылки и не могли разглядеть выражение лица служанки.

Но вскоре открылась та дверь, через которую её ввели, и там стоял Орвицка с улыбкой на лице.

- Следующий, – небрежно сказал он.

Названный слуга с тревогой вошёл.

Орвицка сидел на столе и, опустив голову, вертел в руках керамического кролика. Он даже не поднял на него взгляда:

- Вы хотите что-нибудь сказать?

Слуга подумал, что, наверное, предыдущий уже дал этому полицейскому исчерпывающий ответ, так что он может ничего не говорить.

- Мне нечего сказать, я ничего не знаю, господин.

Это была хитрость простолюдина. На справедливость и честность они давно не рассчитывали. В опасной ситуации главное – спасти свою шкуру. Не обязательно бежать быстрее тигра, достаточно бежать быстрее товарища.

- Угу. Выходите, – Орвицка продолжал вертеть керамического кролика, так и не взглянув на него. Слуга с радостью направился к двери, соединяющей два кабинета. – Стойте!

Он обернулся. Орвицка впервые поднял на него взгляд:

- Выходите через ту дверь, через которую вошли.

- ... – слуга указал на ту дверь, через которую вошёл.

- Да.

- Я не могу выйти отсюда? – слуга указал на дверь перед собой.

- Не можете.

Слуга теперь был уверен: те, кто что-то сказал, выходили через другую дверь и больше не контактировали с остальными. Те, кто ничего не сказал, возвращались обратно.

Просто вернуться обратно, ничего страшного, наверное? Слуга колебался, но в итоге пошёл назад.

Как только он открыл дверь и вышел, стоявший у двери Анка схватил его за затылок и прижал его лицом к стене. Слуга не мог вымолвить ни слова. Опомившись, он понял, что его ведут в малый актовый зал, его руки закованы за спиной, а в рот засунут кляп.

- У-у! У-у-у-у! - он пытался издать звук, показать, что сожалеет, что хочет говорить, но Анка, не оборачиваясь, ушёл.

Третьим был тот самый слуга, который отвечал за стол со сладостями.

Под сложными взглядами остальных он, дрожа, вошёл в кабинет.

- Хотите что-нибудь сказать? - в это время Далиан уже вернулся. Он сидел рядом с Орвицкой на столе, у каждого было по ручке, и они играли в гомоку.

Мысли слуги, отвечавшего за сладости, были очень похожи на мысли слуги номер два. Но у него был ещё и пример слуги номер два, так что он знал, что его ждёт, если он будет говорить или молчать.

Говорить - его отведут и хорошо с ним обойдутся (он не видел, что именно, но по крайней мере того сообразительного не заковали в наручники). Молчать - его прикуют к остальным неудачникам, и он был уверен, что их всех бросят в тюрьму и будут судить. И хотя директор был избит, когда дойдёт до суда, он легче всех отделается, а они станут козлами отпущения.

- Да! Я хочу сказать! - когда слуга, отвечавший за сладости, заговорил, он понял, что его голос стал очень хриплым...

- О, говорите, - Орвицка так и не поднял головы, говоря очень небрежно.

Когда все слуги побывали в кабинете, Орвицка определил четыре имени учеников.

Кингсри Фодли, Том Лекси, Нейт Шаретт и Моррей Ноккинс. Первые двое были из четвёртого "А", а последние - из пятого "А" и шестого "А".

На самом деле, слуги назвали гораздо больше четырёх имён, но некоторые, скорее всего, просто хотели избежать участи быть отправленными назад и поэтому лгали. Но Орвицка не отбросил и эти имена. Если первая волна расследования не даст результатов, он расширит круг подозреваемых.

- Их всех можно отпустить. Всех. Позовите классных руководителей четвёртого "А" и пятого "Б", - Орвицка указал на троих в малом актовом зале.

Хотя Орвицка сам их запер, когда он приказал им уйти, эти трое расплакались от счастья.

- Где сейчас ученики? В больнице? Или дома?

- Дома.

- Все дома? - Орвицка был удивлён. Он думал, что хотя бы один-два будут в больнице.

- Да, все дома.

- ...А врачей в вашем районе хватает?

Надевей вздохнул:

- Привлекли много врачей и из других районов Содмана, ведь...

Все они - сыновья богатых людей, их жизни дороже.

- Я понимаю, вам не нужно объяснять, - Орвицка потёр переносицу. Это было действительно проблематично. Хотя ему и не нужно было объезжать дома более двухсот учеников, ему всё же нужно было допросить учеников из двух классов, это более двадцати человек. Даже если они жили близко, это всё равно требовало много времени и сил, и это не из-за лени, а из-за того, что это серьёзно влияло на качество допроса. Не говоря уже о том, что рядом с этими детьми наверняка будут их заботливые родители.

Надеюсь, в школе удастся найти больше улик.

<http://bllate.org/book/17916/1715914>